

Александр Ланс

Мой холодный **ПАРФЮМЕЙСТЕР**

• книга первая •

18+

Александр Ланс

Мой холодный парфюмейстер

«Автор»

2023

Ланс А.

Мой холодный парфюмейстер / А. Ланс — «Автор», 2023

Девятнадцатилетняя Кассандра Левелла Вангалым, представительница древнего аристократического клана, ненароком умудряется прогневить священную Праматерь Рода, за что её отправляют учиться в самую северную точку Королевства Ругиленд – в Колледж Хордаланн, считающийся не очень престижным полумагическим учебным заведением. В это время за тяжкий проступок Король высылает из столицы придворного королевского парфюмейстера – Эккехарда Эриха Локнеста – красавца-блондина и одаренного мага. Он отправляет его в Колледж Хордаланн, чтобы тот обучал студентов парфюмерному искусству. Своенравная и высокомерная Кассандра пытается всячески унижить молодого преподавателя, ведь она аристократка, и думает, что ей всё позволено. Она считает, что он ещё не дорос до того уровня, чтобы иметь золотые нашивки мага. Но Эккехард оказывается не так-то прост, он слишком горд, чтобы сносить издевательства. Что же ждет студентку, так опрометчиво настроившую против себя властного и не прощающего обид преподавателя?

© Ланс А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ноты и аккорды	6
Глава 2. Ольфакторная пирамида	11
Глава 3. Суровый нрав королевского парфюмейстера	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Ланс

Мой холодный парфюмейстер

Пролог

Мне хочется повторять его имя снова и снова, нет ничего слаще, чем четыре этих буквы, ласкающие мой слух. Ему не нравится, когда я его так называю, но сейчас он ничего не говорит мне на это, в порыве страсти целуя моих малышей, впиваясь в меня жаркими губами. Он уже там, внутри меня, я чувствую его напряженную твердую плоть и обволакиваю его своими нежными тканями. Его темп нарастает, передавая мне энергию и заставляя меня часто-часто дышать и постанывать от удовольствия. Он тоже учащенно дышит и слегка охает от избытка чувств. Я смотрю ему в глаза, в темноте его зрачки сверкают как тысяча ножей в пламени огня. Мне хочется, чтобы он никогда не останавливался, чтобы это волшебство продолжалось вечно, с каждым его толчком я словно растворяюсь в нем, будто уже не существует отдельно его и отдельно меня, теперь мы единое целое.

Гаснет пламя в камине, меркнет мир, и нет больше ничего на свете, кроме нашей страсти, кроме его горячих поцелуев, кроме его крепких объятий. Мы движемся в одном ритме, мы горячие настолько, что крупные капли пота скатываются с наших тел и перемешиваются между собой, я ощущаю, как внутри меня становится мокро, и излишняя влага сочится, щекоча мои чувствительные нежные местечки. И я вдруг чувствую необыкновенный запах, исходящий от нас, запах нашей любви, он прелестней любой ароматной розы, наверное, так и должны пахнуть самые лучшие в мире духи...

Глава 1. Ноты и аккорды

Больше всего я ненавижу понедельники, особенно понедельник после каникул. Ещё вчера днем Колледж Хордаланн был пуст, и я, словно призрак, в одиночестве бродила по темным галереям и сумрачным коридорам этого замка, а поздним вечером уже вернулись студенты, чтобы с утра приступить к занятиям. Начинался новый зимний триместр.

Просыпаюсь от громких ударов старинного колокола, в комнате холодно, гуляет пронзительный ветер, не хочется вылезать из теплой постели. За узким высоким окном темно, и летит снег, сверкают в свете уличных электрических фонарей пушистые хлопья. Интересно, как там дома, в моем родовом замке Шванштайн? Тоже метель или гораздо теплее?

Тяжело вздыхаю – мой дом далеко, в глубине материка; окруженный красивым буковым лесом, наш замок расположен в живописном месте на скале над озером, а Колледж Хордаланн за тридевять земель, за Северным морем, на скандинавском полуострове, где с одной стороны холодные фьорды разрезают гранитные скалы, а с другой – белеют высокие горы, покрытые вечными ледниками. Как только мне исполнилось девятнадцать лет, так сразу же меня услали с глаз долой, из сердца вон – в самую далекую и северную точку Королевства Ругиленд. И даже не соизволили забрать домой на каникулы. Ну, с одной стороны их можно понять...

Включаю лампу, и в дальнем углу комнаты в своей клетке начинает беспокойно шепуршиться Марко – моя белая летучая мышь. Не нравится ему, что я так рано врубила электрический свет, когда он только-только вернулся с ночной охоты и устроился спать, повиснув вниз головой на своей жердочке. Он просовывает через решетку остренький коготок, подцепляет занавеску и зашторивается от яркого света. Усмехаюсь.

Я тоже не хочу вставать в семь утра, мне тоже хочется так же зашториться, закутаться потеплее в толстое пушистое одеяло и продолжить досматривать волшебные сны, но вместо этого я спускаюсь босыми ногами на холодный тонкий ковер. Делать нечего, нужно собираться на пары. Иду в ванную и там рассматриваю свое заспанное лицо, умываюсь и расчесываю густые темные волосы до плеч, укладываю их на правую сторону, чтобы скрыть свой шрам на щеке – черную волнистую линию с завитками, похожую на морозный узор – следствие темного заклятия, из-за которого меня и услали сюда, заточили в этом холодном замке, как в тюрьме. Снова тяжело вздыхаю, вспоминая об этом, затем надеваю форму – белая рубашка, синий с золотым галстук-бант, темно-синяя кофта, короткая юбка, а также синюю форменную куртку с капюшоном, на груди вышиты золотом – эмблема Колледжа и сигил на прилежание (в замке Хордаланн холодно, и передвигаемся мы обычно в курточках), и топаю в столовую.

В холле шумно и синё из-за скопления студентов в одинаковых куртках. Сине-фиолетовый цвет – это символ магии, и Колледж Хордаланн как бы тоже считается учебным заведением магических наук, но магией тут слабо пахнет, я-то уж знаю, как она выглядит. В мире её осталась так мало, а здесь тем более, поэтому меня и услали сюда, чтобы я ничему не обучилась. Поэтому мне и кажется, что цвет нашей формы тут неуместен.

Все вокруг возбуждены, болтают без умолку, ожидая, когда отворятся двери в большой обеденный зал. Ага, не виделись полторы недели и ужасно соскучились. Смешно! Но вот, открываются двери, и, наконец-то, мы всей толпой заходим в столовую.

– Привет, Касси! – кричит мне черноволосый Эдмунд Кейн, мой одноклассник, и плюхается на стул рядом со мной, – как каникулы?

– Нормально, – бурчу я, кисло оглядывая выставленные к завтраку тарелки, закрытые прозрачными клошами. – Жаль, что так быстро закончились.

На завтрак в Колледже Хордаланн подают преимущественно рыбные блюда, всё же замок находится недалеко от Северного моря. В первые дни мне было очень непривычно видеть мари-

нованную селедку и рыбные котлеты, но со временем я свыклась, и даже полюбила рыбный ролл, завернутый в яичницу, но сегодня его не было в меню.

– Ты не ездил домой? – спрашивает Эдмунд, накладывая с подноса себе в тарелку кусок пышного омлета.

С удивлением замечаю, что из омлета торчат кусочки колбасы, и тоже такой же хочу, наконец-то что-то не рыбное, встаю и накладываю себе.

– Нет, – отвечаю ему, садясь обратно на место, и наливаю кофе из кофейника. – Я далеко живу, почти на границе с Лихтенштейном. Пока я доеду до своего замка, уже будет пора обратно в Колледж возвращаться, – привираю я.

– Ты, правда, в замке живешь? – удивляется Питер Муносли. Тоже мой одноклассник, высокий светловолосый парень.

– Да, – важно отвечаю ему.

И усмехаюсь про себя – мой родовой замок Шванштайн даже побольше будет замка Хордаланн. Колледж, скорее, можно назвать особняком в сравнении с моим замком.

Я вообще считаю себе выше всех здесь, этих студентов из простых семей, они мне не ровня, я из аристократической семьи, и мне наплевать на них и на их Колледж для простолюдинов. Для них это шанс получить хоть какое-то престижное, по их мнению, образование, а для меня это тюрьма, ссылка, и всё это не мое. За первый осенний триместр я ни с кем тут не сдружилась, и не хочу, но Эдмунд и Питер красивые юноши, и я снисхожу до разговора с ними. Да со мной тут особо никто и не общается, все считают меня высокомерной девочкой. Вот и отлично. Мне так даже и лучше, комфортнее.

Наискосок от нашего длинного стола сидят три девушки из моего класса: Алуна Лехен, с пухлыми щеками и белоснежными волосами; Тея Ли, с темными волосами и с горстью веснушек на лице; и Эсми Хеллерт с инопланетянской внешностью – слишком бледная кожа, длинный тонкий нос, кудрявые светлые волосы и отрешенный взгляд почти бесцветных глаз.

– Я тут краем уха услышала. ... – вдруг звонко произносит Алуна, обращаясь к подружкам.

– Что? – тут же оживляется Тея, поворачиваясь к ней.

От любопытства у Теи сверкают глаза, она вся обращена вслух. Из интереса я тоже прислушиваюсь.

– Я услышала, что в этом триместре у нас будет преподавать настоящий маг, – понизив голос таинственным шепотом сообщает Алуна.

– Серьезно? – не верит Тея.

– Да, – кивает Алуна. – Я шла мимо учительской, и до меня долетела фраза одного из учителей, что из столицы сегодня должен приехать маг, в этом году он будет преподавать и у первокурсников в том числе.

У Теи расширяются глаза. Даже вечно блуждающий взгляд Эсми вдруг фокусируется на Алуна.

– А какой предмет? – казалось бы равнодушным тоном спрашивает Эсми, но в её голосе чувствуется заинтересованность.

– Не знаю, – пожимает плечами Алуна. – Они не сказали. И я быстро прошмыгнула, испугалась, что меня застукают.

– Это правда? – вдруг вклинивается Эдмунд, – ты не обманываешь?

– Не обманываю, конечно, – обиженно надувает губки Алуна, – у меня нет привычки врать.

– Настоящий маг, вот здорово, – восторженно произносит Питер.

По их разговору я понимаю, что они вообще никогда не видели чародеев высшей степени, именуемых магами. Фыркаю. Живя в своем родовом замке, я видела и колдунов, и магов, и не единожды. Даже в нашем семейном клане когда-то водились настоящие маги. Далеко же придется ехать новому преподавателю, если он должен прибыть к нам из самой столицы из

Виндобоны. Что он забыл на этом холодном полуострове в этом малоизвестном непрестижном Колледже?

Заглядываю в свой планшет, смотрю какие пары на сегодня: до обеда – математика, история Королевства, музыкальное искусство; после обеда – небесная механика и прикладная аромаграфия. Никаких новых предметов не появилось, особенно сегодня нет ничего магического. Значит, завтра поставят или в другой день. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на стол на возвышении, где завтракают преподаватели, скольжу по знакомым и малознакомым чародеям, как бы все учителя прежние, ещё с осеннего триместра, ни одного нового лица. Интересно, когда он придет? Мне становится немного обидно, что я не узнала о приезде мага раньше Алуны, ведь я тусуюсь в Хордаланне все осенние каникулы. Но я быстро прогоняю эту мысль, эка невидаль – маг.

Понедельник длится нестерпимо долго. По всем предметам в первый же день нас заваливают целой кучей домашних заданий. По математике – решить уравнения и начертить по ним графики; по истории Королевства – описать важную битву на реке Недао; по музыкальному искусству – запомнить на слух пять этюдов известного композитора, будут спрашивать на следующем уроке; по небесной механике – выучить первый закон Кеплера.

К концу дня я совершенно выдыхаюсь, хочется сбежать ото всех в свою комнату и забраться под теплый плед. Но осталась последняя пара – прикладная аромаграфия. Класс, где преподают этот предмет находится не в том здании, где расположены все аудитории и где теплый коридор, а приходится через открытую галерею топать в небольшую пристройку. Хотя, судя по кладке из дикого камня, эта «пристройка» лет на сто, а то и двести, древнее, чем основные корпуса. Кто кому тут пристройка, ещё большой вопрос.

Прячась в куртки от кусачего северного ветра, дующего с фьорда, мы проходим открытую галерею и попадаем в просторную аудиторию, заставленную всевозможными бутылками, банками, баночками, бочками и сосудами, в которых, тщательно закупоренные, хранятся масла и эссенции всевозможных трав, специй, древесины, цветов и фруктов. Они хорошо запечатаны, но всё равно до нас долетают слабые цветочные ароматы. Нас в классе настолько мало, что мы теряемся в этой огромной лаборатории с высоким потолком и колоннами. Снимаем куртки, вешаем их на крючки на торцевой стене, тут тепло и даже немного душновато, затем рассаживаемся за парты и ждем преподавателя. Я, как всегда, в конце класса на четвертой парте у окна, чтобы видеть всех и не быть самой на глазах у учителя.

Открывается дверь, но вместо престарелого герра Хербета, который преподавал этот предмет в осеннем триместре, в аудиторию заходит высокий парень в черной мантии с вышитыми золотыми лепестками на отворотах. В первый момент мне в глаза бросается, что он белокур с красиво уложенной прической, и совсем молодой, наверное, даже нет тридцати. Как он умудрился так рано получить статус мага? Ведь все, кого я знала из чародеев, добивались магической степени уже довольно в преклонном возрасте. А то, что это был тот самый пресловутый чародей, о котором шептала Алуна, я не сомневалась – маги носили золотые вензеля на черных мантиях.

– Здравствуйте, первокурсники, – говорит он, проходя на свое место. – Меня зовут Эккехард Локнест, и с этого триместа я буду вести у вас прикладную аромаграфию.

– Здравствуйте, герр Локнест, – громко и дружно отвечает наш класс

– Герр Лох, – тихо произношу я, надеясь, что он меня не услышит. А если и услышит, то не поймет, о чем я.

Лох в наших краях означает глупый, неодаренный человек, которого легко обмануть. Эдварду и Питеру я как-то рассказала об этом слове, поэтому, услышав его теперь в этом контексте, они смеются. Негромко. Поворачиваются с соседнего ряда и одобрительно мне улыбаются.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с Локнестом взглядом. По тому, как сузились его глаза, и взгляд стал холодным и пронзительным, я догадываюсь, что он меня услышал и понял значение этого слова. Да мне всё равно на тебя, герр Лох. Кто ты тогда, если не лох? Потому что, имея магическую степень, ты приезжаешь сюда, в этот убогий Колледж преподавать совсем не магический предмет. Я усмехаюсь и отвожу взгляд.

– Это тот самый маг, про которого я говорила! – Передо мной сидит Алуна и шепчет на ухо Тея.

– А он симпатичный, – отвечает Тея.

Ага, ещё втюртесь, ухмыляюсь я. Конечно, его можно назвать красавчиком, но он уж какой-то слишком – слишком опрятный, слишком блондинистый, какой-то весь отдраенный до блеска и напомаженный. Таким не место в нашем Колледже, он здесь чуждо смотрится.

– Итак, в осеннем триместре вы прошли основные компоненты парфюма – ноты, – говорит он. – Сейчас я хочу проверить, как вы усвоили этот материал.

Он садится за стол и включает принесенный с собой планшет, по ходу, изучает список студентов.

– Эсмиральда Хеллерт, – громко произносит он имя ученицы.

Эсми смущенно поднимается со своего места. Он внимательно смотрит на неё.

– Эсмиральда, расскажи мне, пожалуйста, что такое верхние ноты? – властно говорит он, не сводя с неё пронзительного взгляда.

– Это первые ароматы, которые мы вдыхаем, как только раскрываем парфюм, – точно, как по учебнику, шпарит Эсми. – Они легкие и быстро испаряются.

– Например? – спрашивает он.

– Цитрусовые или зеленые ноты, – отвечает она.

– Молодец, садись, – кивает он, и что-то пометает в своем журнале.

– Теолина Ли, – вызывает он следующего студента. – Расскажи мне, что ты знаешь о средних нотах?

– Ну... – тянет Тея. – Мы их чувствуем уже после...

– После чего?

– После того, как испарятся верхние. Это вторая волна... как бы, – неуверенно отвечает она, робко поглядывая на него.

– Это основа всей композиции, – поправляет её Локнест. – Это более насыщенные и устойчивые ароматы, так называемые – ноты сердца.

– Да, – кивает Тея.

– Садись, – разрешает ей Локнест. Его голова опускается, и он опять водит специальной ручкой по электронному списку. – Алуэния Лехен, что такое базовые ноты?

– Это самые стойкие ароматы, которые мы чувствуем дольше всех, – уверенно отвечает Алуна. – Это шлейф аромата.

– Верно, – кивает он и машет рукой, чтобы она села.

Вновь шарит по списку. И тут вдруг я понимаю, что он для чего-то вызывает одних только девочек, неужели он невзначай хочет наткнуться на меня и выяснить мою фамилию?

– Мелисса Андерсон, – громко произносит он.

Точно хочет, теперь я уже не сомневаюсь. И снова мимо. Я усмехаюсь, Локнест поднимает голову и встречается с моим взглядом, видит мою усмешку, и его брови сдвигаются.

– Мелисса, что такое аккорд? – спрашивает он.

– Это комбинация из нескольких нот, – говорит она. – Каждый аккорд имеет свой код, и из них потом составляется аромат.

– Хорошо, Мелисса.

Теперь он сосредоточенно изучает список учащихся.

– Кассандра Вангальм, – говорит он, но пока не поднимает голову.

Ну, что ж, наконец-то, он попал в цель, браво.

Глава 2. Ольфакторная пирамида

Я поднимаюсь со своего места и смотрю на него. Локнест поднимает голову, ища глазами названную ученицу, натывается на меня, и в его взгляде появляется некая удовлетворенность.

– Итак, Кассандра, расскажи мне про основную гурманскую группу нот, – велит он.

– Сюда входят кондитерские запахи, такие как – карамель, шоколад, кофе, ваниль и мед, – быстро отвечаю ему.

– Основная группа цитрусовых? – снова спрашивает он.

– Лайм, лимон, лемонграсс, бергамот, апельсин, – так же быстро чеканю я.

– Не апельсин, а мандарин, – поправляет он.

– Угу, – согласно киваю я.

– Травы?

– Мята, базилик, чай.

– Пряности?

– Имбирь, кардамон, перец, корица.

– Фруктово-ягодные?

– Вишня, клубника, малина, смородина, персик.

– Цветочные?

– Роза, жасмин, лаванда, пион и лилия.

– Древесные?

Хмурюсь, что-то он решил меня так нормально погонять, остальным же задавал по одному вопросу. Но тем не менее отвечаю ему:

– Уд, сандал, пачули.

– Ещё какой? – спрашивает он.

– Эээ... – Закусываю губу, но не могу вспомнить последнюю ноту.

– Ветивер, – подсказывает он.

– Угу, – вздыхаю я. – Ветивер.

– Хорошо, садись, – кивает он. – Тройку ты заслужила.

Кровь мгновенно приливает к моему лицу. Какая тройка? Ну, были пометки, но не на оценку же три. Класс робко замирает, никто и не подозревал, что он выставляет оценки. Но он озвучил только мою.

И тут я вспоминаю, что мне, собственно, пофиг на эту учебу.

– Герр Лох-нест, – с издевкой произношу я, специально меняя в его фамилии букву «к» на «х», – можно задать вам один вопрос?

Локнест удивленно смотрит на меня, не думал он, что я сейчас выступлю. И не дожидаясь от него ответа, я выпаливаю ему:

– А, вправду, говорят, что вы чародей с магической степенью, но вас изгнали из придворных магов, и поэтому вам придется работать в нашем Колледже, чтобы заработать себе на кусок хлеба?

Не знаю почему, но неожиданно даже для самой себя у меня это вырывается про «изгнали», и про «кусок хлеба», всё от того, что мне захотелось посильнее уколоть его. Хочется довести этого блондинчика, чтобы он собрал свои манатки и укатил из нашего Колледжа настолько скоротечно, что от быстрого его бега развевались бы полы его длинной мантии. Учась в школе в своем родном городе, мне это удавалось и не раз, и всегда сходило с рук. Отчасти благодаря аристократическому положению нашей семьи.

Класс ахает от моей наглой выходки. Локнест заметно бледнеет, кажется, становится блее своих волос, сжимает от ярости губы, и от того более контрастно сверкают его темно-синие глаза. Я усмехаюсь с довольным видом.

– Я, действительно, королевский маг, – тихим, но твердым голосом произносит Локнест. Удивительно, как он смог совладать с собой. Говорит вроде спокойно, а глаза так и метают яростные молнии. – И меня специально пригласили в ваш Колледж, чтобы я смог дать вам более углубленные знания в парфюмерной области. Что же касается куска хлеба, фрау Вангалм, то я настолько обеспечен, что никогда не задумывался об этом, – холодно заканчивает он.

Я ещё хочу съязвить, чтобы посильнее задеть его, но не успеваю придумать – меня прерывает звонок на короткую шестиминутную перемену между уроками в паре.

– Все свободны, – говорит Локнест, опуская глаза в свой планшет, что-то помечает там.

А мне всё равно, если он там даже замечание мне пишет. Ну, подумаешь, отругает меня фрау Когль, поставит лицом к стене на пару часов или заставит пол мыть, и что из того?

Я выхожу из класса, чтобы проветриться. По открытой галерее гуляет холодный ветер, кутаюсь в теплую куртку. Время всего только без двадцати четыре вечера, а уже вновь стемнело, будто наступила ночь. Никак не могу привыкнуть к тому, что здесь всегда темнеет раньше, чем на материке. Чем дело шло ближе к декабрю, тем день становился всё короче и короче. А сегодня ещё даже уроки не закончились – а уже ночь. Вздыхаю – вот такая тут зима.

– Касси, такое сказать новому преподавателю, ну, ты даешь, – с легким акцентом говорит мне круглолицый и неуклюжий полноватый Свен Ларсен, и его глаза завистливо блестят. Свен не подданный Королевства Ругиленд, его семья живет недалеко от Колледжа Хордаланн в Королевстве Норвегия. Свен отлично говорит не только на своих двух родных языках – букмол и нюношк, а ещё на саамском и на нашем ругском.

– А что такого? – фыркаю я. – Не заколдует же он меня, – смеясь говорю я.

– Ну, а вдруг превратит тебя в лягушку, – предполагает Мелисса.

– И станешь зеленой квакающей жабой, – таинственным шепотом добавляет Даан Нильсон, светловолосый мальчишка невысокого роста. – Ква-ква!

Ребята хохочут.

– Что-то плохо верится, что он это сможет, – надменно произношу я.

Вообще, как только я увидела этого напыщенного блондинчика, у меня сразу сложилось предвзятое к нему отношение. Ну, не может такой молодой пацан уже получить магическую степень. Обычно чародей годам к тридцати дорастает только до ведьмака, затем становится или кудесником, или жрецом, или волхвом, где трудится ещё несколько лет постигая азы магии. Самые талантливые получают первую степень колдуна и нашивают на свою мантию серебряные листики. А уж самые одаренные и трудолюбивые чародеи-колдуны достигают высших магических вершин уже в преклонном возрасте и получают золотые вензеля. Я-то уж разбираюсь, повидала ни одного колдуна и мага. А Локнест слишком молод, думаю, совсем ненамного меня старше.

Мы болтаем об магической иерархии нашего Королевства, как снова уже звенит звонок. Возвращаемся в класс навеселе – последний урок всё-таки. Локнест так и сидит, опустив глаза в свой планшет, медленно водит пальцем по экрану, видимо, читает что-то. Дождается, когда мы займем свои места, и тогда отрывается от планшета, поднимает глаза, смотрит на нас.

– На прошлых уроках вы узнали, что такое ольфакторная пирамида, то есть постепенное раскрытие аромата, – громким голосом произносит Локнест, поднимаясь со стула, идет к доске и рисует мелом пирамиду на доске. – Узкий кончик – это верхние ноты, середина – средние, так называемое «сердце» аромата, а основание – это база, – говорит он, деля пирамиду на три части.

Зарисовываю за ним в свою тетрадь.

– На самом деле, когда мы разбрызгиваем духи, то в воздух одновременно попадают сразу все аккорды, – говорит он, и обводит пирамиду, образуя круг. – Но мы чувствуем именно по частям. Как вы думаете, почему это происходит?

Локнест задает этот вопрос и поворачивается к классу.

– Можно отвечать с места, – разрешает он.

– Потому что первые легкие, – робко предполагает Питер. – Цитрусовые, например.

– И почему же они легкие? – допытывается Локнест.

– Не знаю. – Питер пожимает плечами.

– У кого есть предположения? – спрашивает Локнест. Все молчат, поглядывая друг на друга. – Фрау Вангальм, вы любите предполагать, может быть, сможете ответить на мой вопрос? – вдруг обращается он ко мне.

– Нууу, – тяну я, – возможно из-за вязкости нот.

– И почему же одни ноты вязкие, тяжелые, а другие нет? – усмехается он.

– Да потому что сами компоненты разные, – взрываюсь я. – Цитрус – это цитрус, а мускус – это совсем другое. Даже названия у них, видите же, совсем другие, – с издевкой произношу я.

– Так в чем же разница между цитрусом и мускусом кроме названия? – настаивает он.

– Да откуда я знаю, герр Лох-нест, – громко выпаливаю я, специально коверкая его фамилию.

– Фрау Вангальм, вы неправильно расслышали мою фамилию? – вдруг холодно осведомляется он.

– Я думала, что правильно, – бурчу я.

Он поворачивается к доске и разборчиво крупными буквами пишет свою фамилию, снова разворачивается к классу.

– Фрау Вангальм, будьте так любезны, произнесите вслух мою фамилию четко и ясно! – холодным тоном требует он.

– Герр Лох-нест! – упрямо произношу я.

– Локнест, – слегка уставшим голосом говорит он, делая акцент на букве «к». – Повторите.

– Так я и говорила – Локнест, – «переобуваюсь» я.

– Понятно, – говорит он, пристально глядя в мое лицо. Что-то не нравится мне его этот взгляд, да и черт с ним. – Всё дело в молекулярном строении, фрау Вангальм, – отвечает он на свой вопрос.

– Оу, – я закрываю глаза. – Теперь мне всё ясно, герр Лох-нест. Спасибо, что объяснили.

По классу раздается смешок, и я вижу, как он слегка краснеет, по его щекам ходят желваки. Ещё немного и я совсем доведу его, хорошо, если бы до слез. Было как-то раз в моей школе, что я доводила молодого учителя мужчину до слез.

– Перейдем к анималистической группе нот, – спокойно говорит Локнест, вновь овладев собой. – Это компоненты животного происхождения или их синтетические аналоги. Они обеспечивают стойкость композиции, но в виду их резкого запаха, такие компоненты приходится смягчать другими нотами – чаще всего для этого используют лепестки роз или специи.

Больше он уже не смотрит на меня, словно меня здесь нет. Рассказывает нам об интересных свойствах разных компонентов, приводит примеры. Делает он это с таким воодушевлением, будто нет ничего важнее и приятнее в жизни, как составление аккордов. Раскрывает небольшой черный сундучок и достает оттуда длинные белые бумажные полоски.

– Сегодня я вам раздам полоски с цветочными нотами и с аккордами. Каждая бумажка подписана, так что вы легко разберетесь и запомните ароматы.

Класс сразу же радостно возбуждается, забывая о только что случившемся конфликте. Первые парты получают полоски, нюхают бумажки и передают их дальше последним. Вскоре вся аудитория наполняется цветочными благовониями, смешиваются различные оттенки. К концу урока у меня уже голова идет кругом, мне хочется выбежать на улицу на свежий морозный воздух, а ещё лучше выпить крепкий зерновой кофе.

Наконец-то звенит звонок. Облегченно выдыхаю, быстро сую в сумку учебник с тетрадкой и вскакиваю на ноги.

– Урок окончен. Все свободны, – говорит Локнест, при этом его взгляд скользит по классу и вдруг останавливается на мне, он хмурится. – Фрау Вангальм, задержитесь, пожалуйста, – требовательно произносит он.

– Зачем? – спрашиваю я, закидывая на плечо длинную лямку сумки. – Мне некогда задерживаться здесь, у меня ещё есть дела до ужина, – надменно произношу я, хотя у меня нет никаких дел.

– Я хочу с вами поговорить, – холодно отвечает он. – Подойдите ко мне.

Мои одноклассники с шумом покидают класс, а я глубоко вздыхаю и топаю к учительскому столу. Локнест собирает сданные ему полоски и бережно раскладывает их по ячейкам своего сундучка. Там у него ещё много разноцветных маленьких пузырьков, на которые приклеены бумажки с кодами. Видимо, это его собственные аккорды, и он их зашифровал.

За последним студентом закрывается дверь, и громко захлопывается замок, этот резкий отрывистый звук заставляет меня вздрогнуть и слегка напрячься – как-то мне некомфортно находиться наедине с магом в запертой аудитории. В этот момент в лаборатории гаснут огни, остается только несколько над учительским столом. Локнест защелкивает замки на своем сундучке и поднимает на меня глаза.

Глава 3. Суровый нрав королевского парфюмейстера

– Так как же всё-таки правильно произносится моя фамилия? – строго спрашивает он.
– Герр Локнест, – негромко и четко произношу я. Немного теряюсь, находясь с ним наедине, поэтому не усугубляю конфликт.

– Видишь же, что это не сложно, – слегка насмешливо произносит он.

Пожимаю плечами, смотрю на него.

– Я так и говорила, – с вызовом отвечаю ему. – Теперь я могу идти?

– Ещё нет, – говорит он с интересом разглядывая меня.

Я слегка поправляю волосы, всегда смущаюсь, когда незнакомые люди пялятся на мой шрам, он черный, как татуировка, и всем интересно, что это такое.

– Этот шрам у тебя от темного заклятия? – спрашивает он.

– Да, – киваю я.

– Что произошло? – интересуется он.

– Не ваше дело, – огрызаюсь я. Терпеть не могу, когда посторонние люди лезут в мою личную жизнь.

– Ну, хорошо, – говорит он.

Отгибает рукав черной мантии, и я вижу, что у него на правой руке сверху на белой рубашке надет серебряный браслет с перекрещенными саблями. Он снимает его с руки и кладет на темную столешницу. Судорожно сглатываю. Я знаю, что он означает. Это разрешение преподавателя накладывать на студента физическое наказание. Мне говорили об этом на собеседовании при поступлении, но никто из преподавателей не носил такого, и я подумала, что ни у кого из них нет таких прав, и как-то больше не задумывалась об этом. В защиту от такого браслета существует золотой браслет со щитом, который надевают на руки в основном студентам из аристократических семей, чтобы оградить их от такого рода наказаний, мне обещали такой прислать из дома, но так и не прислали. Локнест поднимает на меня глаза и ждет, что я в свою защиту положу рядом с его браслетом свой, но мне нечего ему предъявить.

– Я думал, что Вангальм – это аристократическая фамилия, – негромко говорит он.

– Так и есть, – тихо произношу я.

Он с минуту озадаченно смотрит на меня, затем расстегивает пряжку ремня своих брюк. Меня словно обдает ледяной водой. Ещё никто ни разу в жизни не бил меня. Я снова судорожно сглатываю, следя за его движениями. Локнест вытаскивает ремень из шлевок, сворачивает его пополам и кладет на стол рядом с браслетом. Отставляет стул немного от стола и садится на него.

– Ну, что ж, фрау Ванльгам, прошу, – говорит он, показывая на свои колени.

Мелкая дрожь пробивает всё мое тело. Я, конечно, могу не подчиниться, сбежать, если смогу открыть двери аудитории, в чем я очень сильно сомневаюсь, но отказ получить наказание – это считается прямое неподчинение преподавателю, а два неподчинения – это уже исключение. Одно я уже успела заработать в осеннем триместре, отказавшись в наказание мыть пол в аудитории, и со мной директорат провел серьезную беседу, предупредив, что в следующий раз церемониться со мной не станут. А перед тем, как оставить меня в стенах этого учебного заведения, мои родные дали мне ясно понять, что если я сбегу отсюда или добьюсь исключения, то никогда в жизни больше не вернусь в свой родовой замок, лишусь наследства, титула и фамилии. И что я буду делать в этом жестоком мире без образования и средств существования? Работать прачкой за гроши?

Я вновь судорожно сглатываю, закусываю нижнюю губу. Я не хочу подчиняться ему, этому напыщенному блондинчику, который ненамного старше меня, но в то же время меня страшит участь, на которую меня с легкостью могут обречь мои же родные, если я попаду

под исключение. Однажды уже такое произошло с моим дядей: четырнадцать лет назад его отвергли за какой-то проступок, и он сейчас скитается где-то на берегах Нормандии, нищенствуя и перебиваясь черствым куском хлеба. На тот момент мне было всего пять лет, но несмотря на свой тогда малый возраст, я до сих пор помню весь ужас в его глазах, когда Пра-матерь Рода объявила ему, что он лишен наследства, титула, фамилии, всех денег и не имеет права больше жить под кровом древнего родового замка. С того времени он уже трижды просился обратно в семью, жалуясь на голод и лишения, но наш клан до сих пор остается глух к его мольбам. Я страшусь такой судьбы, но всё равно, вместо подчинения я упрямо стою столбом, глядя на Локнеста исподлобья.

– Подойди ко мне или я занесу в журнал твое прямое неподчинение, – сурово произносит он, сверля меня стальным взглядом.

Уже узнал все порядки. Когда только успел? ведь приехал совсем недавно.

Я молча снимаю с плеча сумку и кладу её на первую парту, делаю шаг к нему, ступая словно на ватных ногах. Локнест хватает меня за руку и сильным ловким движением укладывает на свои колени, кверху попой. Я непроизвольно хватаю его ногу, кровь приливает к моей голове из-за резкого кульбита. Он задирает мою юбку, затем хватается за резинку моих колготок и тянет вниз. Я зажмуриваюсь, мне некомфортно находиться в таком положении. Локнест спускает мои колготки до самых коленей, и мне становится холодно. К тому же, мне ужасно стыдно, что он видит мои белые кружевные трусики. Я судорожно втягиваю воздух, при этом вдыхаю терпкий незнакомый аромат, идущий от мантии Локнеста. Я не узнаю этот запах, он немного сладковат, и при этом горчит, как сорная трава. Вдруг Локнест хватается за резинку моих трусиков и тоже тянет вниз. Я вздрагиваю, я не ожидала, что он будет оголять мою попку. Я хочу выпрямиться, но он кладет свою тяжелую руку на мою спину и прижимает меня к своим коленям, стаскивает трусики также низко, как и колготки. Холодный воздух облегает мои обнаженные ягодички, и они тут же покрываются пупырышками. Ежусь.

Локнест сразу переходит к экзекуции без всякого вступления. Бьет не сильно, терпимо, сжимаю зубы, чтобы не застонать. Больше, конечно же, стыдно, чем больно, но и больно тоже. Удары получаются хлесткие, и я чувствую, как начинает гореть моя попка, сжимаю ягодички, ерзаю, но не кричу. Я впервые ощущаю удары от ремня по обнаженной коже. Слезы выкатываются из глаз, и я стискиваю его лодыжку.

Локнест, видимо, чувствует, что мне становится больно, или ему самому уже больно от того, что я сильно сжала руками его ногу, но он вдруг перестает стегать меня ремнем, бросает его на стол; я слышу, как брякает стальная пряжка, и облегченно выдыхаю.

– Ты думала, что это такая смешная шутка вставлять в мою фамилию слово – «лох»? – строго спрашивает он. – Ты думала, что я не знаю значения этого слова?

Молчу, вытираю скопившиеся на ресницах слезы. И вдруг ощущаю на своей голой попке его горячую ладонь. Я судорожно сглатываю, сердце начинает учащенно биться. Никогда ещё ни один мужчина не дотрагивался до моего обнаженного тела.

– Почему молчишь? Я задал тебе конкретный вопрос, – повышает он голос, и уже ладонью звонко шлепает по моей ягодице.

– Да, – всхлипываю я.

– Что – да? – уточняет он, снова кладя свою руку на мою попу.

– Думала, что не знаете, – сознаюсь я. Я уже готова была во всем признаться, лишь бы он перестал меня бить и отпустил. – Простите, – тихо добавляю я.

– Что? – удивленно переспрашивает он. – Что ты сказала? Повтори.

– Простите, я больше не буду, – произношу я через всхлип.

– Неужели ты искренне раскаиваешься? – не верит он.

Его рука ползет по моей ягодице, и я чувствую шершавую кожу его ладони, его тепло, и вдруг внутри меня разливается горячая волна. Я сжимаю ноги в коленях, и слезы вдруг снова накатывают на меня.

Он внезапно поднимает меня и ставит перед собой, смотрит мне в лицо. Хорошо, что юбка спадает и закрывает всё, но мне стыдно стоять перед ним со спущенными трусиками и колготками, а поднять юбку и натянуть на себя трусики я при нем стесняюсь, и от того у меня ещё сильнее льются слезы. Вытираю их рукавом. Я боюсь, что у меня начнется истерика, ведь я очень давно не плакала, всё держала в себе. Локнест с удивлением и в то же время с сочувствием смотрит на меня.

– Я, видимо, слишком сильно переусердствовал в наказании, – говорит он будто сам себе. – Можешь идти.

Он встает, надевает браслет на руку, пряча его под мантию, берет свой сундучок со стола и уходит за стеллажи. Возможно, там его кабинет или лаборантская. Оставшись одна, я быстро натягиваю на себя трусики и колготки, хватаю сумку, и бегу в темный конец класса. Размазываю остатки слез по щекам, надеваю курточку, толкаю дверь – она заперта. А мне ужасно не хочется идти в его кабинет и просить у него помощи. Трогаю замок и нащупываю в темноте поворотную защелку, кручу её и срабатывает механизм – дверь распаивается. Я с облегчением выбегаю из аудитории.

В галерее темно, погасли огни в связи с окончанием учебного дня, приходится идти чуть ли не наощупь, выручает золотистый свет от уличных фонарей, проникающий через большие арочные проемы. Уже вижу, что в соседнем здании, где находится столовая, зажглись люстры. В ярко-освещенных витражных окнах расплываются темные тени – это уже студенты идут на ужин, а я не иду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.